

УДК 101.1
DOI: 10.15372/PS20240103
EDN NCELFV

М.Я. Мацевич

**ПРИНЦИП НАИМЕНЬШЕГО ДЕЙСТВИЯ
КАК ТРАНСЦЕНДЕНТАЛЬНОЕ ОСНОВАНИЕ БЫТИЯ
Ч. II**

Объектом данного исследования является принцип наименьшего действия (ПНД) в диалектическом единстве различных аспектов его проявления в философии и науке. Также выявляется функциональный статус ПНД в формировании и реализации стратегии устойчивого развития. В качестве методологической основы выступают идеи классической философии, идеи Л. Витгенштейна, положения французской эпистемологической традиции, постмодернистские принципы деконструкции Ж. Деррида. Обосновано методологическое значение ПНД для фундаментальной онтологии, для создания перспективных стратегий эволюционной адаптации, социально-экологической оптимизации.

Ключевые слова: действие; экономия; языковая игра; ценности; этика; детерминизм; формализм; телеология

M.Ya. Matsevich

**THE PRINCIPLE OF LEAST ACTION
AS THE TRANSCENDENTAL GROUND OF BEING
PART II**

The object of this study is the principle of least action (PLA) taken in the dialectical unity of various aspects of its manifestation in philosophy and science. The ways and means of PLA influence on the formation and implementation of the sustainable development strategy are also identified. Methodologically, the research is based on the ideas of classical philosophy, the ideas of L. Wittgenstein, the statements of the French epistemological tradition, and J. Derrida's postmodernist principles of deconstruction. The methodological significance of PLA is substantiated as a precedent of fundamental ontology, which will be able to strategize for evolutionary adaptation and socio-ecological optimization.

Keywords: action; economy; language game; values; ethics; determinism; formalism; teleology

Введение

Вторая часть статьи посвящена рассмотрению знания как результата исторического процесса взаимодействия между адаптивными системами, различными системами языка. Указываются ограничения, возлагаемые подобными перспективами на разум. В этой части предлагаемого диптиха представлена французская рационалистическая эпистемология как альтернатива, сохраняющая автономию разума, его независимость от естественной эволюции, позволяющая учитывать историчность, непредсказуемость мышления.

Сравнение изображений мира

Проблема эмпирических предложений по отношению к логическим предложениям становится сложной в том случае, если мы принимаем во внимание «муровское» предположение о здравом смысле, а также предложения математических наук, в частности арифметики, или, в более общем смысле, утверждения, касающиеся основных антропологических установок (говорение, рассказывание, расчет, суждение и т.д.), служащих фоном для всех возможных образов мира независимо от конкретных реализаций «форм жизни».

Л. Витгенштейн, для того чтобы акцентировать внимание на границе естественной трансформации наших образов мира и, следовательно, на ограничениях с должным учетом социальных вариаций практики, показывает, насколько проблематично поддерживать множество «форм жизни» с необходимостью найти универсальную площадку для противостояния различных культур и в какой степени нужно обеспечить существование предельного фона действия. Он обнаруживает тесную связь между «естественными фактами», определяющими операции арифметики (вычисление, вывод, продолжение ряда), и основными антропологическими установками, позволяющими распознавать наши методы (§ 185) [3, с. 156], или умением иметь в памяти надежный инструмент для правильного выполнения элементарных числовых операций.

Таким образом, «витгенштейновское отражение», кажется, дает место идее о том, что элементарные предложения математики составляют нетрадиционную основу для сравнения культур. «Различным сеткам соответствуют различные системы описания мира. Ме-

ханика определяет единую форму описания мира, говоря: все предложения, используемые для описания мира, должны получаться заданным способом из некоторого числа заданных предложений – аксиом механики. Тем самым она дает нам строительные камни для здания науки и говорит: какое бы здание ты ни хотел построить, любое из них ты должен тем или иным способом собрать из этих, и только этих камней» [3, с. 67].

Морфологический метод Гете и, вероятно, шпенглеровский метод анализа цивилизаций – методы, больше всего повлиявшие на разработку Витгенштейном исследования по языковым играм. Морфологический метод позволяет изучать серии природных форм (животных и растений) с точки зрения их непрерывных отношений в динамическом континууме собственных биологических преобразований без учета любых причинно-следственных или специфических механистических связей. В основе метода всего лежит идея о том, что в природе существует закон этого первого языка, который, по мнению Витгенштейна, можно увидеть в зарождающемся Фаусте: в начале было действие. Таким образом австрийский мыслитель, с одной стороны, излагает модель порядка и динамической классификации естественных форм – эвристический инструмент в руках исследователя живых организмов. С другой стороны, этот инструмент представляет собой первый фон любой реализуемой языковой игры, неделимой прагматической данности, которая не может быть описана или оправдана не столько отсутствием когнитивных или концептуальных ресурсов, в частности из-за соблюдения предписаний этики, сколько по причине борьбы за единство с нашим действием, за безвозмездность, с которой перед всякой мыслью или логическим выводом нам позволяется сделать первый шаг в невыразимый горизонт человеческих «форм жизни».

Витгенштейн цитирует в связи с этим выражение из «Фауста» И. Гете, которое, кажется, намеренно противоречит тому, что указано в Евангелии от Иоанна («В начале было Слово [логос]». Ин. 1:1): «...Исполненный, наконец, я пишу: в начале было дело» (§ 402) [3, с. 369].

Когда Витгенштейн утверждает, что суждения философии стоят выше или ниже суждений естествознания, а не рядом с ними (4.111) [3, с. 24], и когда он заявляет, что философия – не теория, порождающая истинные суждения, а деятельность, приводящая к прояснению суждений (приданию им здравого смысла или бессмыс-

лицы (4.112) [Там же]), тем самым он условно дисквалифицирует суждения «Трактата» как бессмысленные. Витгенштейн не верит, что его книга является первой книгой по философии, в которой говорится об истинных вещах, но надеется, что это последняя книга по философии, благодаря которой некоторые истины уже невозможно будет игнорировать. «Мои положения кое-что проясняют, потому что тот, кто меня понимает, признает их, в конце концов, бессмысленными, когда он через них – на них – поднялся над ними. (Он должен как бы выбросить лестницу после того, как поднялся по ней)» (6.54) [3, с. 72–73].

Если все эти предложения бессмысленны, то как их можно понять? И разве сама теория языка в качестве образа бесполезна в том отношении, что ее нельзя сформулировать иначе как на основании текста, ей противоречащего?

На протяжении всего «Трактата» Витгенштейн проводит довольно четкое различие между тем, что является «повседневным языком», используемым с той же бессознательностью, с которой мы дышим (4.002) [3, с. 18], и логически адекватным языком, «знаковым» (3.325) [3, с. 15]. Чтобы прояснить многочисленные двусмысленности в формулировках Витгенштейна, можно начать с этого различия. Оно подтверждает, что австрийский философ оперирует двумя различными понятиями языка даже там, где явно не ссылается на них.

Задача, которую Витгенштейн предполагает решить в «Трактате», – прояснить различие между тем, что вообще может быть сказано и, стало быть, может быть сказано ясно, не вызывая споров, и тем, что, напротив, вообще нельзя сказать [3, с. 73]. Следовательно, то, что мы ищем в начале пути, является универсальным критерием здравости суждений. Поиски этого критерия равносильны попытке разработать язык, очищенный от недостатков повседневного языка, т.е. язык, в котором невозможно выдать бессмыслицу за важное и, может быть, истинное положение.

Этот критерий предоставляется репрезентативной теорией языка, т.е. теорией языка как образа. «Предложение – картина действительности. Предложение – модель действительности, какой мы ее себе представляем» (4.01) [3, с. 19]. То, что предложение является «образом», «моделью» реальности, означает, что оно составлено из элементов, расположенных по отношению друг к другу в определенном порядке (2.14–2.15) [3, с. 8].

Тезис, в котором резюмируется онтология «Трактата», т.е. тезис, согласно которому мир есть совокупность фактов, не является физическим или метафизическим. Это логический тезис в том смысле, что логика языка, предполагаемая нами, пока мы используем язык, допускает здравомыслие и, возможно, истинность только предложений как образов [5, с. 60]. Если мир совпадает с тотальностью фактов, то это потому, что факты являются единственным типом онтологического единства, логика существования которого позволяет нам чувственно утверждать или чувственно отрицать.

В противоположность позиции раннего Витгенштейна, во французской классической эпистемологической традиции нормативная сила, необходимая, чтобы возвысить математику над случайностью, должна была быть найдена в историческом развитии математики, где каждый новый результат подкреплял прошлые результаты, но также провоцировал следующие шаги. «Понять – значит уловить жест и быть в состоянии продолжить его» [7, р. 186]. Математика и наука в целом понимаются не столько как совокупность мыслей, сколько в терминах жестов.

Для Г. Башляра знание – это не набор данных, хранимых в памяти, используемых для выполнения вычислений, а скорее состояние рационального субъекта, могущего объяснить причину, по которой осуществляемый им процесс открытия, вероятно, обнаружит новые аспекты реальности. На карту здесь поставлен метод создания математических структур, участвующих в генезисе нашего представления о реальности, метод, направленный на расширение возможностей опыта, а не на то, чтобы заключить его в предсказуемую совокупность. «Как бы ни был устойчив реализм, поразительно, что плодотворные революции в научном мышлении начинаются с кризиса, ведущего к глубокому его расслоению. Сама же реалистская мысль никогда не порождает своего собственного кризиса. Однако революционный толчок приходит – он рождается в царстве абстрактного. Математика является источником, современного экспериментирующего мышления» [1, с. 126].

Башляр был осведомлен о становлении научного знания и о революции, вызванной геометрией Б. Римана и теорией относительности А. Эйнштейна. Поэтому, вместо того чтобы отделять знание от истории с тем, чтобы сделать из научных утверждений универсальные аналитические истины, он попытался ответить на следующий вопрос: как достоверно объяснить, что математическое открытие,

происходящее в определенный момент времени, делает возможным наше восприятие реальных объектов, например релятивистских или квантовых? Башляр считал, что формалистические эпистемологии не могут дать такого объяснения, потому что ученого нужно рассматривать в качестве исторического субъекта. По этому поводу он писал: «...Если рассматривать отношение между научным феноменом и научным ноуменом, то речь не может идти более об отдаленной и праздной диалектике; мы имеем здесь дело с движением противоположностей, которые после некоторого исправления проектов всегда имеют тенденцию к действительной реализации ноумена» [1, с. 36].

В результате подлинно научная феноменология – это, по сути, «феноментехника» [1, с. 37]. Ее цель – усилить то, что раскрывается за пределами видимости. Она черпает свои инструкции из строительства. Чудотворный разум творит свои собственные чудеса [1, с. 13].

Следовательно, науку надлежит рассматривать в качестве «феноментехники», устанавливающей экспериментальные условия, позволяющие нам испытать реальность, к которой у нас не было доступа до создания математической концептуальной структуры, заставляющей нас размышлять о существовании этой реальности. И наоборот, деятельность математика можно назвать «ноуменологией», исследующей идеальную область чисто рациональных структур независимо от конкретной возможности их актуализации. Важно, что, с одной стороны, Башляр предлагает философское объяснение, в духе чего разум производит свои собственные идеи и концепции автономным образом, независимо от каких-либо эволюционных или адаптивных ограничений. И с другой стороны, он объясняет, почему мы можем утверждать, что знаем реальное и эта реальность скорее всего будет описана нами в рамках исторического процесса открытия.

Таким образом, философу не нужно ни извлекать законы, ни предвидеть будущую эволюцию. Его роль состоит только в том, чтобы осознать логическую драму, разыгрываемую внутри теорий.

Компаративистика трансцендентализма у Канта и Витгенштейна

Вопрос Витгенштейна – почти тот же самый вопрос, который Кант задает себе в «Пролегоменах»: как возможна наука о природе [5, с. 7; 6, с. 84]? Однако, в частности, то, что у Канта является пара-

дигматическим примером «априорного синтетического суждения» [5, с. 23], т.е. принцип, согласно которому ничто не происходит без причины, не имеет аналога у Витгенштейна. Кант квалифицирует причинность наподобие чистого понятия рассудка («чистое» означает, что оно «не происходит ни из чего эмпирического, хотя, очевидно, затем находит свое применение в опыте» [5, с. 58]). Потому что в своих теоретических рамках восприятие может предоставить в наше распоряжение сколь угодно длинный ряд случаев, в которых за фактом А следует факт Б, и, значит, может дать нам право сказать: «Б, поскольку А», но никогда не может сделать доступной для нас потребность в связи между А и Б, которую мы должны были бы правомерно отыскать: «Б, потому что А». Так что отнюдь не бесчисленные случаи, когда А следует за Б, возможно создающие в нас что-то столь же случайное, как привычка, позволяют нам говорить об объективно значимой причинной связи. Скорее, это подведение таких множественных случаев под понятие, не возникающее из опыта, а его организующее, выводящее свою легитимность исключительно из факта, что оно предполагается самой возможностью науки о природе.

В действительности у Канта «ведущая линия» для открытия чистых понятий рассудка, убеждающая в том, что он нашел их все, определил их систематическую, исчерпывающую природу, дается таблицей суждений, так как суждение есть соединение в сознании множества представлений. «Понятие причины есть, таким образом, чистое понятие рассудка, совершенно отличное от всякого возможного восприятия и служащее только для того, чтобы определять подпадающее под него представление в отношении деятельности суждения вообще и, стало быть, делать возможным общезначимое суждение» [5, с. 58].

Аргумент Канта состоит фактически в том, чтобы принять во внимание науку о природе как факт [5, с. 250] и выделить формы суждений, без которых она не может обойтись в своем собственном функционировании. Всеобщая и необходимая ценность суждений, сделанных благодаря чистым рассудочным понятиям [5, с. 56], поэтому будет всеобщей и необходимой ценностью той системы естествознания, о которой Кант спрашивает, как она возможна (а не возможна ли).

Обобщая, Кант рассматривает суждение «если А, то Б» («трансцендентальная логика» в противоположность «чисто об-

щей», т.е. формальной, логике, эквивалентной «А вызывает Б») как неотъемлемую часть грамматики научного языка [5, с. 83]. Витгенштейн же, у которого критерием научности является здравомыслие, выраженное учением о репрезентации, – нет [6, с. 63]. То, что Витгенштейн понимает логику как трансцендентальную, что он смотрит на нее как на форму, общую для познания и для мира, позволяющую первому овладеть вторым, а последнему описываться первым, еще ничего не говорит о логике, которую этот философ имеет в виду. И в зависимости от логики, полагаемой трансцендентальной, возможна наука [3, с. 64]. Этот вывод важен не только для характеристики трансцендентальной философии «Трактата» в ее собственных чертах и по отношению к Канту, но и как основа для выявления некоторых соответствующих преемственностей в историческом развитии мысли Витгенштейна. «По Канту трансцендентальная логика должна предложить нам “безусловно необходимые правила мышления, без которых невозможно никакое применение рассудка”; она «исследует его, не обращая внимания на различия между предметами, которыми рассудок может заниматься» [1, с. 247].

В этот момент может быть даже законным спросить: является ли то, что разработал Витгенштейн в попытке создать совершенный язык, все еще языком, т.е. что остается от «логоса», когда неисчерпаемая диалектика единого и множественного, тождества и различия удалена? В этом риторическом вопросе, думается, заключается самое серьезное возражение, часто выдвигаемое против философии «Трактата».

У Канта условным основанием истины является опыт, т.е. чувствование, построенное в соответствии с формами пространства и времени, порождающее восприятие, и восприятие, структурированное согласно формам рассудка (системе категорий) [5, с. 429]. У Витгенштейна основанием условной истины является язык, соответствующий логическому синтаксису, предложения, представляющие факты. Для Витгенштейна по существу принадлежащее миру есть также то, что по существу принадлежит языку: «дает понять, что не может быть сказано, ясно представляя то, что может быть сказано» (4. 115) [3, с. 25].

Вся аргументативная стратегия Канта (обобщенная как «коперниканский переворот») состоит в показе того, как объективная природа опыта коренится в его субъективной природе (требование сказать что-то объективное есть требование, которое невозможно удовлетворить, если захотеть говорить о вещах самих по себе).

И как вместо этого становится вполне разумным, когда мы ограничиваемся формулированием суждений, находящихся условие своей возможности в априорных структурах чувственности и рассудка, являющихся субъективными структурами [5, с. 532–541].

Если бы язык мог относиться к миру, не являющемуся моим миром, я бы его не понял. И непреодолимость «эго» такая, что мир – всегда мой мир. «Границы моего языка означают границы моего мира. Логика заполняет мир; границы мира суть и ее границы» (5.6–5.61) [3, с. 56]. В этих положениях Витгенштейна через сеть перекрестных ссылок устанавливаются сопринадлежность языка и субъекта, равнопротяженность между ними и миром, с которым они соотносены. Язык – это мой язык, потому что если бы он не был моим, я бы его не понял; мой язык в равной степени распространяется на мой мир, потому что если бы один из двух выходил за пределы другого, были бы неописуемы факты или осмысленные суждения, которые ничего не описывают; и поэтому мир есть мой мир, мир есть жизнь, я есть мой мир [6, с. 62].

Но помимо этого важного различия, между точкой зрения Витгенштейна и точкой зрения Канта существует фундаментальное сходство, структурное, позволяющее заключить, что они оба приближаются к проблеме трансцендентального знания. Ни Витгенштейн, ни Кант не считает уместным или даже возможным найти одну или несколько необоснованных истин, могущих послужить основанием для нашего знания и, таким образом, позволить им преодолеть проверку, которой их подвергает критический разум.

Понятие «грамматика», используемое Витгенштейном, играет роль трансцендентальной логики в его рассуждениях о проблеме познания. Философ отрицает существование безосновательных истин, нам знакомых, а также отрицает, что факты могут дать оправдание чему бы то ни было. Его решение общей проблемы познания носит трансцендентальный характер, поскольку он заключает: фундаментальные структуры познания не могут иметь иной легитимации (и, следовательно, также не нуждаются в ней), кроме той, которую они выводят из того, что делает возможной саму систему нашего познания.

Заключительные замечания

Формализм (в частности версия «Трактата» Л. Витгенштейна) оказал большое влияние на позитивистов, неопозитивистов, анали-

тическую традицию, против которых классическая французская философия науки в лице Ж. Кавайеса, Г. Башляра, Ж. Кангилема, Ж. Дезанти разработала свою собственную эпистемологическую теорию.

По Витгенштейну, «метафизичность», объединяющая многих мыслителей, имеет свои истоки. И она проистекает из неспособности науки удовлетворить наши сущностные желания. В силу своей недоступности и загадочности ряд проблем не могут найти осмысленного выражения через язык; сама этика находится в области невыразимого и «мистического». Наука, ограниченная изучением законов мира и его устройства, неспособна дать ответы на вопрос: есть ли нечто «высшее»? И человек в тот момент, когда осознает это, испытывает чувство неудовлетворенности, разочарования. «Как все обстоит, есть Бог. Бог есть то, как все обстоит», – пишет Витгенштейн в своем «Дневнике» [4, с. 338; 8, р. 20]. И эти строки резонируют с последними словами Христа на кресте.

Принцип наименьшего действия (ПНД) как метафизический, телеологический принцип относится к тем экзистенциальным проблемам, в отношении которых никогда не будет реального и правильного ответа, поскольку они возникают за пределами области тривиальных возможных вопросов. «Действие», пусть и как физическая величина, точно так же не может быть сведено к совокупности определений того, что правильно и хорошо, так как оно находит свое проявление во взаимодействии, в позиции объекта по отношению к миру, в метафизическом контексте, к бытию. «Мистический» ПНД в силу его «эпифанной» природы вмещает в себе все те аспекты, которые ускользают от означющего языка, настолько, что его универсальный характер не всегда явлен, если о нем попытаются говорить лишь в контексте определенного раздела физики.

Для Витгенштейна этическая, эстетическая и религиозная истины проявляются только одним образом: в их проживании. И молчание здесь – единственный способ не впасть в бессмыслицу. Ценность, а вместе с ней и смысл мира помещаются в более высокое измерение и вне самого мира. Но как было отмечено по отношению к ПНД, невыразимое не является, однако, просто формально необъяснимым. Как ни парадоксально, именно эти аспекты (невыразимое, необъяснимое) действительно имеют значение в жизни каждого. И где-то еще ведь остается «невыносимое»... В исследовании творчества Витгенштейна В.В. Бибихин, опираясь на ранние и поздние

работы философа, его дневники, подчеркивал, что именно поэтому мир не может быть замечен нами в нарушении правил. «Все случающееся в нем делается *так* в смысле: как надо. Правила действия мира, существующего так, не могут быть нам неизвестны. Они всегда остаются нашим единственным несомненным знанием. Знание любых правил и законов зависит от первого и единственного знания, что все в мире именно так» [2, с. 338].

В излагаемом контексте ПНД выступает «трансцендентальным означаемым». «Это трансцендентальное означаемое скрыто предполагается всеми категориями и значениями, всей лексикой и синтаксисом, любым языковым означающим; оно отлично от всех этих моментов, хотя и открыто пред-пониманию через любой из них; оно не сводится к каким-либо историческим определенностям, но, напротив, определяет их возможность и тем самым распаивает историю логоса и само существует лишь в логосе, ибо до логоса или вне логоса оно – ничто. Логос бытия, “Мысль, покорная Голосу Бытия” – это первая и последняя опора знака, различия между *signans* и *signatum*» [4, с. 136].

В самом деле, хорошо известно, что Витгенштейн в своей более зрелой деятельности, переключая свое внимание на обыденный язык, будет отрицать принцип, согласно которому существует только один язык для доступа к миру. И продолжая рассматривать философию как деятельность, австрийский философ окажется вынужденным отречься от части идей, содержащихся в «Трактате». Придавая большее значение контексту и употреблению слов и преодолевая ту обобщающую концепцию, согласно которой язык выполняет только деноминативно-репрезентативную функцию, поздний Витгенштейн увидит в языке «форму жизни», способную выполнять множество функций. И описание фактов мира будет, в его представлении, лишь одной из бесчисленных «языковых игр».

С этой точки зрения пределы интерпретации и применения ПНД различными науками не ограничены физическим и математическим дискурсом, но знание о детерминизме, телеологии поведения реальных физических систем лежит в основе нашей человеческой способности мыслить в рамках естественного, открытого и недетерминированного эволюционного процесса. Для того чтобы знание было возможным, необходимо физическое взаимодействие систем, а это означает, что представление ограничено временем опыта, историческими, культурными рамками, временем коэволюционной адаптации.

«РазличАние как таковое еще “изначальное”, – писал Витгенштейн, – хотя его нельзя было бы назвать ни “(перво) началом”, ни “основанием”, так как эти понятия по сути своей принадлежат к истории онто-теологии, т.е. к системе, стирающей различия» [4, с. 140]. Через осуществление и структурирование ПНД происходит развитие жизни как утверждения силы, здоровой, дионисийской, сверхчеловеческой. Но по эту их сторону дана жизнь не как действие, а как противодействие, жизнь как опрокинутое утверждение и господство реактивных сил. «Таким образом, прежде всего следует помыслить игру мира, а уж потом пытаться понять различные формы игры в мире» [4, с. 170].

В результате расстояние, структурирующее человека, исходя из ПНД, – это, конечно, не дистанция, лежащая в основе тела и разума, дистанция эмоционального резонанса биологического тела, должная быть распознанной человеческим разумом, а дистанция между онтологическим принципом и не-человечностью бытия, человечность присутствия (по М. Хайдеггеру). Расстояние от плана, столь бесконечно далекого от жизни человеческих тел и их биологических и материальных потребностей, что точно никогда не может быть совпадения и соответствия между существованием индивидуума и метафизическим измерением, за пределами физики ее исходного принципа. «Отныне, чтобы вырвать понятие следа из классической схемы, которая требует, чтобы оно выводилось из первоначального наличия или отсутствия следа, и превращает его в эмпирическую пометку, нужно обратиться к перво-начальному следу или же к прото-следу. Однако мы знаем, что это понятие разрушает это имя и что если все начинается со следа, то ни-какого “самого первого следа”» [4, с. 188].

Начиная с XVIII в. стало ясно, что дифференциальные уравнения механики выражают минимальное условие определенного интеграла. Мопертюи черпал веру в то, что «природа бережлива», в скромных попытках дать этому математическому явлению философское толкование. Затем пришли Эйлер и Лагранж с обобщенным, расширенным принципом «наименьшего действия», и со временем выяснилось, что вариационный принцип – это компактный и эффективный способ выразить несколькими росчерками пера целый ряд законов природы.

Все фундаментальные законы, от уравнений Максвелла до уравнений общей релятивности и тех, которые выражают другие

взаимодействия, имеют свое собственное «действие», позволяющее выразить их все в одной или двух строках. Смеею заметить, что без этого компактного способа написания законов природы было бы гораздо труднее добраться туда, куда дошли пока только теоретики. Фактически в некоторых случаях, например в квантовой хромодинамике, мы не знаем подробно о силах, находящихся в игре, но объединив лагранжевые методы с соображениями симметрии (теории групп), можно достичь понимания того, что происходит [9, р. 69–79].

В заключение подчеркну, что вещи и события мира никогда не являются «простыми присутствиями», объектами, видимыми, рассматриваемыми и отражаемыми наблюдателем (глазом), внешним по отношению к ним. Даже если такой взгляд на отношения между людьми и миром всегда был доминирующим в западной мысли и в западной истории философии. Наоборот, вещи – это прежде всего инструменты, средство для действия, а орудие мысли состоит не из вещи, которая просто есть, только наличествует, а из комплекса отношений, отсылок к употреблению. Мир характеризуется не объективностью, а «откладыванием» своих «юзабилити», максимальным выражением которых является язык. «Юзабилити» по преимуществу состоит из знаков, употребление которых на самом деле есть не что иное, как использование со ссылками на смыслы.

Так что только через ПНД, через предвосхищение надлежащей возможности человек в состоянии достичь своей крайней дистанции от всякой объективной и коллективной реальности. В силах свести на нет всякое отчужденное отношение к миру и достичь «нищеты духа», «экхартовской отрешенности», являющейся предпосылкой его свободы выбирать каждую из своих самых сокровенных возможностей в любой ситуации.

Литература

1. *Башляр Г.* Новый рационализм / Пер. с фр.; предисл. и общ. ред. А.Ф. Зотова. М.: Прогресс, 1987. 376 с.
2. *Бибихин В.В.* Витгенштейн: смена аспекта. М.: Ин-т философии, теологии и истории св. Фомы, 2005. 576 с.
3. *Витгенштейн Л.* Философские работы / Пер. с нем. М.С. Козловой и Ю.А. Асеева. М.: Гнозис, 1994. Ч. 1. 612 с.
4. *Деррида Ж.* О грамматологии / Пер. с фр., вступ. ст. и ком. Н.С. Автономовой. М.: Ad Marginem, 2000. 512 с.

5. *Кант И.* Сочинения: В 8 т. / Под ред. А.В. Гулыги. М: Чоро, 1994. Т. 4. 544 с.
6. *Сокулер З.А.* Людвиг Витгенштейн и его место в философии XX века: Курс лекций. Долгопрудный: Аллегро-пресс, 1994. 173 с.
7. *Cavaillès J.* Oeuvres complètes de philosophie des sciences. Paris: Hermann, 1994. 686 p.
8. *Malcolm N.* Wittgenstein: A Religious Point of View? London: Routledge, 1993. 152 p.
9. *Planck M.* Eight Lectures on Theoretical Physics. N.Y.: Columbia University Press, 1915. 130 p.

References

1. *Bachelard, G.* (1987). *Novyy ratsionalizm [New Rationalism]*. Transl. from French. Preface and general editorship by A.F. Zotov. Moscow, Progress Publ., 376. (In Russ.).
2. *Bibikhin, V.V.* (2005). *Vitgenshteyn: smena aspekta [Wittgenstein: Change of Aspect]*. Moscow, Institute of Philosophy, Theology and History of St. Thomas, 576.
3. *Wittgenstein, L.* (1994). *Filosofskie raboty [Philosophical Works]*, Part 1. Transl from German by M.S. Kozlova and Yu.A. Aseev. Moscow, Gnozis Publ., 612. (In Russ.).
4. *Derrida, J.* (2000). *O grammatologii [Of Grammatology]*. Transl. from French by N.S. Avtonomova. Moscow, Ad Marginem Publ., 512. (In Russ.).
5. *Kant, I.* (1994). *Sochineniya: V 8 t. [Works: In 8 vols.]*, Vol. 4. Ed. by A.V. Gulyga. Moscow, Choro Publ., 544. (In Russ.).
6. *Sokuler, Z.A.* (1994). *Lyudvig Vitgenshteyn i ego mesto v filosofii XX veka: Kurs lektsiy [Ludwig Wittgenstein and His Place in the Philosophy of the 20th Century: Course of Lectures]*. Dolgoprudny, Allegro-press Publ., 173.
7. *Cavaillès, J.* (1994). *Oeuvres complètes de philosophie des sciences*. Paris, Hermann, 686.
8. *Malcolm, N.* (1993). *Wittgenstein: A Religious Point of View?* London, Routledge, 152.
9. *Planck, M.* (1915). *Eight Lectures on Theoretical Physics*. New York, Columbia University Press, 130.

Сведения об авторе

Мацевич Мария Янушевна – Белорусский национальный технический университет (Республика Беларусь, 220013, Минск, просп. Независимости, 67).
vvv0045@mail.ru

Information about the author

Matsevich, Maryia Janushevna – Belarusian National Technical University (67, Nezavisimosti av., Minsk 220013, Republic of Belarus).

Дата поступления 10.06.2023